В дошедших древнерусских любовных посланиях, как правило, нет слишком откровенных упоминаний о любви, свиданиях, поцелуях и пр. Пол адресата также зачастую неразличим, если нет соответствующего заглавия. В сборники предпочитали переписывать, по-видимому, такие послания, в которых «плотские» признания выражались не явно, затушевывались темой духовной любви. Поэтому когда автор говорит о своих сердечных страданиях, вызванных «сладостной» внешностью адресата другого пола, то нередко трудно бывает определить, любовное или только «дружеское» послание перед нами.

С этой точки зрения представляют интерес три образца посланий инока к инокине, списанных мельчайшей скорописью в кирилло-белозерском письмовнике ГПБ Q.XVII.67, самого начала XVII в., на лл. 212 об. — 213. Последнее из этих посланий, возможно, любовное.[7]

В первом послании автор, уже будучи иноком, пишет инокине о том, что он хочет успокоиться от каких-то мирских переживаний, «достигнути в пристанище зело волнящагося и возвышающагося преизлиха, паче превысоких гор, сверепаго и многомятежнаго моря мирскаго». Из второго послания узнаем имя автора. Он подписался тайнописью: «...ничто же сый к десятосугубну двоесотно со осморичным и к шестьсотну десятично со единицею кланяюсь», т. е. 10, 10, 200, 8, 600, 10, 1 — Іісихіа. Возможно, этот Иисихия, так хорошо сказавший о «сверепом» море мирском, и написал третье, как нам думается, любовное послание.

В послании восхваляется благочестие и непорочность молодой инокини, «краснейшей и сладчайшей паче всех сверстниц, в ту сущем месте иночествующих». В этом нет ничего необычного. Но конец письма производит другое впечатление. Автор заканчивает письмо, признаваясь в каком-то своем «желании», от которого ужасается его «мысль». «К тебе же паки желание привлачит мя. Како изображу лица твоего радостное, и красоту, и честное ти хождение, старческое мудрование во юностнем теле ... Мысль моя убо ужасается, сердце же подвизается, и язык связуется. Не могу удержати сладости, побеждаюся всеми неизчетно добрыми ти и изступаю умом. Побеждает же мя желание». Подобный конец заставляет думать, что инок не смог остановиться на изъявлениях только духовной любви к инокине.

Ниже публикуются два отрывка из посланий к царям, отрывок из произведения о «Смутном времени» и третье послание инока к инокине.

Отрывок из послания Василию III

Похвала. Той убо явися таков, яко же ты, в благочестивых естьсвы прародителех твоих сын Святославль, внук Игорев, Владимер. Той убо крести Рускую землю святым крещением. И оттоле процвете православие. Есть бо по всем морем и островем грозная твоя и крестная херугви. Их же боятца латынстии языци — литва, ляхи, немци — и всяко бесерменское племя. Тии бо исчезают по темным нырищам дикаго и глубокаго поля. Еще бо грозы твоея боятца и не кочюют силные орды на Рускую украйну, на твою вотчину государеву, царь мудрый, божий слуга, княз великий Василей Иванович всея Русии. Ты еси мудрая держава, искони бе, самодержавный государь ты еси!

(ГПБ, Q.XVII. 50, л. 101).

---

[7] К Кирилло-Белозерскому монастырю был приписан, например, женский монастырь воскресения Христова. См.: Н. Никольский. Кирилло-Белозерский монастырь, т. I, вып. 2. СПб., 1900, стр. 224.